

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

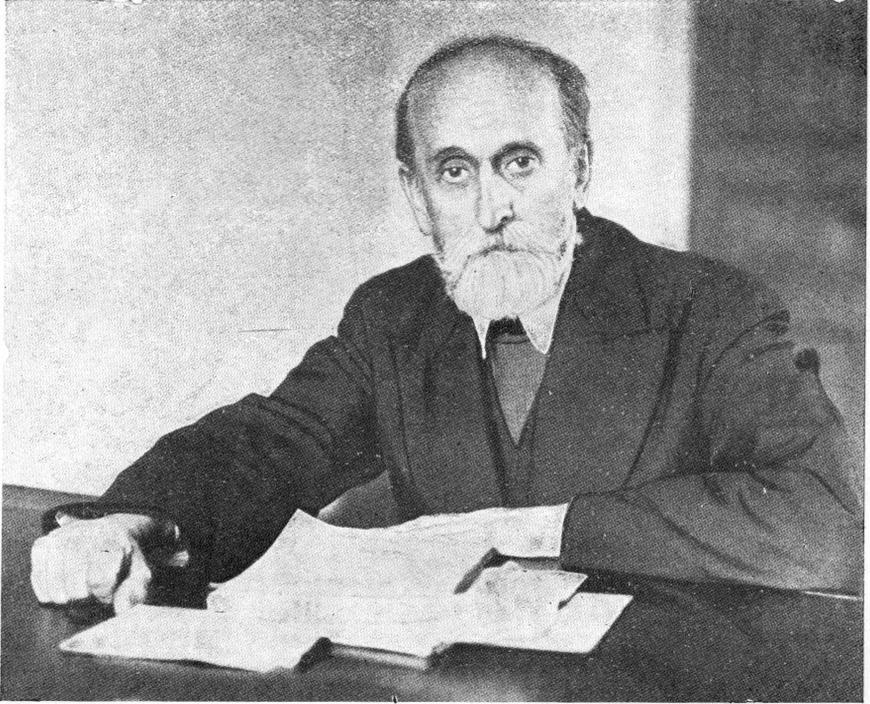
IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1955

ЛЕНИНГРАД

Сенат. Кузнецов

Академик И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

С. Ф. Ольденбург как историк востоковедения

История востоковедения — только одна линия интересов С. Ф. к истории науки и истории Академии, тесно между собою связанным. В эту сторону С. Ф. влекли не только внешние обстоятельства, но и индивидуальная склонность. В одной из своих статей он писал, что «подобного рода работы характерны для ученого, и действительно, мы никогда или в весьма малой мере находим их у ученых-эгоцентристов: для них важна и интересна прежде и главное всего собственная мысль, собственная работа, они редко принадлежат к организаторам, так как элемент личный слишком преобладает; этот тип одинаково существует и среди первоклассных ученых и среди ученых совершенно посредственных, ибо это только свойство известного типа личностей, независимое от результатов их творчества».¹ Все мы хорошо знаем, что С. Ф. ни в какой мере не был эгоцентристом и в высокой мере был организатором; он был, говоря опять его словами, из числа тех, «кому приходилось задумываться над вопросами истории науки и подробно и тщательно разбирать значительное число работ ученых с целью выяснить для себя ход мысли и методы работы специалистов».² В конце фразы он сознательно подчеркивал то, что его особенно влекло в истории науки — анализ индивидуального творчества ученых. Это была не случайная мысль, и в характеристике «Азиатского архива» он говорил: «В последнее время все яснее становится, какое значение имеет для планомерности научной работы тщательное изучение истории и методов каждой дисциплины, изучать которые надлежащим образом можно лишь знакомясь с самой интимною стороною работы ученых так, как нам вполне обнаруживают ее и неизданные материалы и переписка ученого, где он высказывается гораздо свободнее, а часто и определеннее, чем в печатных трудах».³

¹ ИАН, 1918, стр. 1766 (в статье о Г. Керве).

² Ibid., стр. 1762.

³ Азиатский музей Российской Академии Наук. 1818—1918. Краткая памятка. II. 1920, стр. 6.

Углубленное внимание к этой стороне в истории науки никогда не заслоняло у него общей картины, общих выводов, которые он с ясностью и простотой формулировал в каждом отдельном случае. Прошлое у него служило к разъяснению и пониманию настоящего; изучение настоящего влекло ко всегда кипевшим у него мыслям об организации будущего. И когда совсем молодым человеком он писал свои «Очерки преподавания восточных языков во Франции, Англии и Германии», он не мог не вспомнить основания Collège de France в XVI в. и оригинальную фигуру первого в Европе профессора восточных языков Постэля;¹ когда позже он давал отчет о «Французской школе крайнего Востока в Сийгоне»,² у него возникал план создания аналогичного учреждения в Ташкенте. Мысль подхватывалась, и в газетах начиналось оживленное обсуждение проекта.³ Так прошлое у него сливалось с настоящим и в его организационных стремлениях претворялось в будущее. История науки была для него не отвлеченностью, а жизнью, в которой действовали живые фигуры.

Востоковедное развитие С. Ф. проходило под счастливой звездой. В своей автобиографии среди университетских учителей он выделит только правника К. Г. Залемана, как того, «которому считает себя особенно обязанным в научном отношении».⁴ Однако этот круг был значительно шире, как говорят его свидетельства в других местах. Состоял он из ряда крупных фигур, выдвинутых второй половиной XIX в. В индианистике во всем ее объеме основным руководителем у него явился И. П. Минаев, которому С. Ф. посвятил ряд статей:⁵ все же главную роль в расширении его востоковедного горизонта сыграл, повидимому, бар. В. Р. Розен. Специально о нем С. Ф. ничего не печатал, но слова академического отчета за 1908 г. полностью отражают оценку, данную им этому, как он выразился, «заме-

¹ Журн. Мин. нар. проsv., ч. CCXCIII, 1894, № 6, отд. 2, стр. 256—258.

² Журн. Мин. нар. проsv., ч. CCCXL, 1902, № 3, отд. 4, стр. 47—51 (в «Материалах для библиографии трудов С. Ф. Ольденбурга» И. Е. Скачков и в «Сборнике статей, посвященных С. Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности», Л., 1934, стр. 630, № 106—опечатка в цифрах страниц).

³ Ср. статьи В. В. Бартольда «По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга». Туркестанские ведомости, 1902, № 33 (отд. отд., 9 стр.) и «К проекту восточного института», Туркестанские ведомости, 1906, № 165 (отд. отд., 10 стр.).

⁴ Материалы для биографического словаря действительных членов и Академии Наук, II, II, 1917, стр. 54 (указание на эту автобиографию пропущено в «Материалах для библиографии трудов С. Ф. Ольденбурга» И. Е. Скачкова, стр. 632).

⁵ Живая старина, 1890, I, стр. LIII—LXII (есть и во французском переводе); Отчет Географического общества за 1890 г.; ЗВО, X, 1897, стр. 67—77.

чательному человеку».¹ Мы знаем, что этой оценки он не изменил до конца своих дней.² Изучение буддизма привлекло С. Ф. еще в студенческие годы³ к знатоку Китая В. П. Васильеву, в жизни которого он усмотрел трагедию ученого. Снова и снова он возвращался к этой трагедии⁴ и в ней видел отражение судеб русского востоковедения вообще. По счастью, в Минаеве и Розене это востоковедение вышло за пределы отечества и превратилось в европейское. И когда С. Ф. после университета попал на Запад, он среди ориенталистов чувствовал себя уже не представителем провинциальной школы, а равноправным членом этого международного объединения. Все востоковеды попали в поле его зрения и со всеми он сумел сблизиться. Широкий востоковедный кругозор, вынесенный из России, давал ему возможность оценить не только индианистов или историков буддизма, но и знатоков Дальнего, равно как и Ближнего востока. И до последних дней ему живо представлялась фигура Ренана, на склоне лет с молодым энтузиазмом толковавшего в *Société Asiatique* вновь найденную финикийскую надпись.⁵

Широта востоковедных взглядов сложилась у С. Ф. уже к тому времени, когда он выступил с первыми статьями по истории и хронике востоковедения. Ему и тогда были ясны те понятия Востока и востоковедения, которые он отстаивал всю жизнь. Говоря о Востоке, он всегда подчеркивал, что «здесь тот же общечеловеческий мир, с теми же явлениями, теми же законами развития».⁶ Он настаивал, что Восток «плохо понимает западный человек, увлеченный достижениями своей цивилизации, и потому . слепой к великой и удивительной культуре Востока».⁷ Это

¹ Стр. 5: «Для тех, кто, как произносящий эти слова, имел счастье стоять близко к покойному в течение долгих лет, сперва как ученик, а потом как ученик и товарищ, никогда не забудется то, чем они обязаны этому замечательному человеку».

² Ср. начало его статьи «Востоковедение», *Общественные науки СССР*, 1917 — 1927, М., 1928, стр. 309.

³ ИАН, 1928, 536

⁴ См. его статьи в ИАН, XIII, 1900, стр. VI — VIII; ЗВО, XIII, 1900, стр. 047 — 049; *Журн. Мин. нар. пр.*, CCCXXX, 1900, № 7, отд. 4, стр. 65 — 70; ИАН, 1918, стр. 531 — 548; *Речь*, 1910, 27 апреля; *Наш век*, 1918, 5 марта (20 февраля), № 40. Статья в ИАН 1926, стр. 1815 — 1818 составлена М. И. Тубьянским и должна быть исключена из списка трудов С. Ф. См. «Материалы», 635, № 247. Характеристика в «Отчете о деятельности» Академии Наук за 1900 г., стр. 1 — 4, составленном Н. Ф. Дубровиным, судя по стилю, принадлежит С. Ф. Ольденбургу.

⁵ Эрнест Ренан, *Анналы*, III, 1923, стр. 3 — 4 (пропущено в «Материалах для библиографии»); ср. его статью «Ренан как поборник свободы мысли», *Проблемы идеализма*, М., 1902, стр. 491 — 503.

⁶ *Восток*, I, 1922, стр. 4.

⁷ Предисловие к каталогу издательства «Всемирная литература». *Литература Востока*. П., 1919, стр. 6 (упоминание об этой работе пропущено в «Материалах для библиографии», стр. 633).

не заставляло его, однако, переживать то почти фантастическое увлечение «Востоком, когда восторгались каждым, даже самым ничтожным произведением, когда в нем искали неизменно необыкновенных глубин».¹ С. Ф. был убежден, что «востоковедение только тогда станет на прочную почву, когда оно близко примкнет к изучению и западного мира, когда оно из этого изучения воспримет и методы, во многом уже проверенные и испытанные, когда оно войдет в общее русло гуманитарных дисциплин».² Он неустанно повторял, что «при всех несомненных отличиях Востока от Запада, Восток свою духовную жизнь строил и строит на тех же общечеловеческих началах, как и Запад, живет по тем же общечеловеческим законам исторического развития».³ Он разделял всех востоковедов «с самого начала научного европейского востоковедения, примерно с XVIII века» на два типа. «Одни считали и считают, что при всем интересе, который представляют культуры Востока, они глубоко отличны от западных тем, что в них нет точной науки, научного мирозерцания, отличающего культуры Запада. Эти востоковеды поэтому всегда придавали мало значения восточному научному преданию, его пониманию памятников восточного творчества, противопоставляя ему, как единственно верное, западное понимание, основанное на единственно, по их мнению, верных, западных методах исследования. Другие считали и считают, что у каждого культурного народа, независимо от того, западный ли он или восточный, есть свое понимание своей культуры, считаться с которым и, во многих случаях даже руководствоваться которым, обязан всякий, кто задается целью научно исследовать данную культуру».⁴ Сам он принадлежал ко второму типу и это помогало ему с ранних лет правильно уловить и оценить самые разнообразные научные течения и взгляды, существовавшие в востоковедении.

До 1900 г. С. Ф. все же сравнительно редко обращался специально к вопросам истории востоковедения, хотя часто касался их попутно, главным образом, в рецензиях и заметках по хронике научной жизни. Войдя в состав Академии и вскоре сделавшись летописцем ее в качестве Непременного секретаря, он находит почву, отвечающую его внутренним стремлениям. С этого времени до 30-х годов из-под пера его выходит масса

¹ ИАН, 1918, стр. 2049 (в статье о В. А. Жуковском).

² ИАН, 1921, стр. 23 (в отзыве об И. Ю. Крачковском. В этом отзыве С. Ф. Ольденбургу принадлежат стр. 23—27, сообразно с чем должна быть исправлена ссылка в «Материалах для библиографии», стр. 633, № 192).

³ Ibid.

⁴ Записка об ученых трудах действительных членов Академии Наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 г., Л. (1930), стр. 1 (в отзыве о В. М. Алексееве).

биографических очерков, отзывов, вводных статей. Можно было бы считать эту форму случайной, вызванной его официальным положением, но нельзя забывать, что именно она отвечала его внутренним склонностям и взглядам на историю науки, где он всегда выдвигал роль личности, указывал, как и в других случаях, на важность изучения человека. Если добавить, что работ такого рода за этот период, притом концентрирующихся главным образом около его основной специальности, индианистики и буддизма, им написано не менее 60, то легко представить, какой громадный материал по истории востоковедения они дают. Можно сказать смело, история изучения обеих этих областей им освещена полностью.¹ То же надо добавить относительно синологии, в которой ему была близка фигура В. П. Васильева; к ней он в печатных и устных выступлениях возвращался не меньше десяти раз, неизменно добавляя новые черты в свою характеристику.² С неменьшим интересом обращался С. Ф. и к близкой ему как по научным, так и личным связям области иранистики: здесь им дана продуманная и обстоятельная характеристика В. А. Жуковского.³ Намерение посвятить такую же работу другому иранисту — его непосредственному учителю К. Г. Залеману — оста-

¹ В этой области ему принадлежат характеристики следующих ученых (в алфавитном порядке): О. Барта (рукопись в Архиве, фонд 2, опись № 14, 1902 г., стр. 13 — 14, Русская мысль, 1916, август, отд. XVI, стр. 11 — 13; ИАН, 1918, стр. 61—63), О. Бетлингга (ИАН, XX, 1904 стр. V — VI; Журн. Мин. нар. пр., ч. CCCLIII, № 5, отд. 6, стр. 41 — 47; Материалы для биографического словаря, I, П., 1915, стр. 53; Критико-биографический словарь С. Венгерова, III, стр. 217 — 220. Две последних статьи отсутствуют в «Материалах для библиографии». Ср. еще Böhtlingks Druckschriften, Bull. de l'Académie, XXXV, 1892, стр. 97 — 106, Mélanges Asiatiques, X, стр. 247 — 56; Г. Бюлера (ЗВО, XI, 1897 — 1898, стр. 313 — 319); А. Вебера (ИАН, XV, 1901, стр. XCVI); Л. Де — ла Валле Пуссен (проток. ИФ, 1916 г., XIV, прил. II, стр. 230—231); Г. Керна (ИАН, 1918, стр. 1761 — 1766); К. Косовича (Биографический словарь профессоров . . . С.-Петербургского университета, I, 1896, стр. 346 — 354. Пропущено в «Материалах для библиографии»); С. Леви (Протоколы ИФ 1918, XIV, стр. 20 (7) ноября, прил. III стр. 265—266); Ч. Лэнмана (Проток. ИФ, 1907, 28 ноября, 1907, II, приложение VI); Г. Людерса (ИАН, 1924, стр. 561 — 564); Д. Овсяннико-Куликовского (Начала, № 2, 1922, стр. 7 — 11); Р. Пишеля (ИАН, 1909, № 2, стр. 129—132); Ф. Томаса (ИАН, 1924, стр. 561 — 564); Г. К. Уаррена (ЗВО, XII, 1899, стр. 021); Л. Фино (ИАН, 1924, стр. 566 — 567); А. Фуше (ИАН, 1924, стр. 564 — 566); сэра А. Штейна (ИАН, 1924, стр. 568 — 569); Ф. Щербатского (ИАН, 1918, стр. 1713—1722); Г. Якоби (рукопись в Архиве, фонд 2, опись № 14, 1902 г., стр. 15—16). Кроме этих характеристик, существует ряд других, относительно которых авторство С. Ф. еще не установлено; некоторые из перечисленных не вошли в «Материалы для библиографии».

² К области синологии относятся его статьи и отзывы о В. М. Алексееве (ИАН, 1918, стр. 1748 — 1751; ИАН, 1923, стр. 373 — 374; Записка об ученых трудах . . . 1930, стр. 1 — 4); А. О. Ивановском (Журн. Мин. нар. пр., CCCXLVI, 1903, № 4, отд. 4, стр. 127—132); П. Пельо (ИАН, 1922, стр. 56 — 57); Э. Шаванне (Проток. ИФ, 1913, XV, 20 ноября, § 505, приложение; ИАН, 1918, стр. 1777—1782).

³ ИАН, 1918, стр. 2039 — 2068.

лось неосуществленным.¹ Но и в других областях, иногда, казалось, далеких от его специальности, он оставил галерею живых портретов: здесь мы найдем и арабиста,² и туркологов,³ и монголиста,⁴ и кавказоведа,⁵ и исследователя палеоазиатских языков,⁶ и историка восточного искусства,⁷ и историка Востока.⁸ Галерея богатая и содержательная; в ней, конечно, нужно было бы объединить все эти портреты, но здесь вспоминаются грустные слова самого С. Ф. по поводу восьмитомного собрания сочинений голландского индианиста Керна: «Когда-то творцы нашего востоковедения дождутся таких изданий!»⁹ Верный своему принципу восходить к первоисточникам, он и в этих характеристиках старался не ограничиваться печатными изданиями, а обращался в меру возможностей, предоставляемых ему урывками времени, к архивным материалам, переписке и рукописям ненапечатанных трудов.¹⁰ В сущности, вся история русского востоковедения нашла здесь свое отражение. Мы встретим упоминание об изучении Дальнего Востока и Индии в Академии Наук XVIII в.,¹¹ найдем оценку старой казанской школы востоковедения в первой половине XIX в.,¹² освещение роли Петербургского факультета восточных языков наряду с Академией Наук во второй половине XIX в.¹³ Он мог объективно относиться к старому

¹ ИАН, 1917, стр. 281 — 286 (см. стр. 286). Кроме этого, ему принадлежат характеристики следующих иранистов: М. С. Андреева (Записка об ученых трудах членов-корреспондентов Академии Наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г. Л., 1930, стр. 1 — 2), И. Н. Березина (ЗКВ, I, 1926, стр. 173 — 176), Ф. А. Розенберга (ИАН, 1923, стр. 369 — 370), А. А. Фреймана (ИАН, 1928, стр. 483 — 485).

² Отзыв о И. Ю. Крачковском (ИАН, 1921, стр. 23 — 27).

³ Статьи о Ф. В. К. Мюллере (ИАН, 1928, стр. 470 — 471; ИАН, 1930, стр. 377 — 382); В. В. Радлове (ИАН, 1918, стр. 1233—1236); В. Томсене (Памяти В. Томсена, Л., 1928, предисловие III). Записки об Н. И. Ашмарине и В. А. Гордлевском составлены В. В. Бартольдом и должны быть исключены из «Материалов для библиографии», стр. 637, № 288—289.

⁴ Отзыв и статья о Б. Я. Владимирцове (ИАН, 1923, стр. 380 — 382; ИАН, 1932, стр. 667 — 676). Отзыв о В. Л. Котвиче (ИАН, 1923, стр. 369 — 371) составлен В. В. Бартольдом и должен быть исключен из списка работ С. Ф. в «Материалах для библиографии», стр. 634, № 214.

⁵ Памяти М. И. Броссе, ИАН, XVI, 1902, стр. OVII — OIX (пропущено в «Материалах для библиографии»).

⁶ Характеристика А. Шифнера (памяти М. А. Кастрена, Л., 1917, предисловие 1—2; Л. Я. Штернберга (ИАН, 1924, стр. 570—572; Памяти Л. Я. Штернберга, Л., 1930, стр. 21—28).

⁷ Характеристика Я. И. Смирнова (Отчет о деятельности Академии Наук за 1918 год, стр. 3).

⁸ В. В. Бартольд (ИАН, 1931, стр. 4 — 6).

⁹ ИАН, 1918, стр. 1762, прим. 2.

¹⁰ См., напр., в статье о Коссовиче, стр. 348, 350 — 354, в статье о В. П. Васильеве (ИАН, 1918, стр. 533) или о Н. Ф. Петровском (ЗВО, XX, 1910, стр. 02).

¹¹ ИАН, 1918, стр. 1719 (в отзыве о Ф. И. Щербатском).

¹² ИАН, 1918, стр. 532 (в статье о В. П. Васильеве).

¹³ Ibid., стр. 535.

поколению востоковедов, которое «умело привлекать к востоковедению интересы гораздо более широких кругов»;¹ он высоко их ставил за то, что по своим методам они иногда «были, несомненно, „западнее“ своих преемников последнего времени».² Их охват часто представлялся ему преимуществом: «Сузив поле наших работ, мы конечно, достигнем в частностях большего, чем наши предшественники, но мы в значительной степени утратили зато ту ширину кругозора, которая составляла обаятельность их работ».³ И Радлова, и Керна он называл последними учеными «того поколения, которое умело соединять широту кругозора с углубленностью специальных знаний».⁴ Для своего поколения он считал это уже невозможным: «наше время узкой специализации, когда развитие науки требует сосредоточения на небольшом круге вопросов для того, кто желает быть хозяином в избранной им области знания».⁵

В своих работах этого типа по истории востоковедения С. Ф. считал основным не сообщение новых деталей, не полноту фактических сведений, а ту сторону, которая всегда привлекала его больше всего — анализ индивидуального научного творчества, стремление найти key-note научной жизни данного лица.⁶ Недаром в одной из своих лучших статей о В. А. Жуковском он подчеркнул это многозначительным подзаголовком: «Попытка характеристики деятельности ученого». Поэтому везде мы здесь встретим принципиальные соображения о роли научной критики,⁷ о ее категориях,⁸ о понятии самостоятельного исследования,⁹ об изучении деталей и углубленном анализе.¹⁰ Нетрудно из этих замечаний было бы составить стройную систему научной методологии, как ее представлял себе С. Ф. И здесь он сумел остаться объективным: немало потрудившись над изучением Китайского Туркестана, он тем не менее оценил голос, предостерегающий против увлечения археологией в ущерб филологии. Он сознался, что «мы набросились на изучение сцены, обстановки, где перед нами бродят пока только тени, а не живые существа, мысли и чувства которых мы могли

¹ ЗКВ, I, 1925, стр. 176 (в статье о И. Н. Березине).

² ИАН, 1918, стр. 2060 (в статье о В. А. Жуковском).

³ ЗКВ, I, 1925, стр. 176 (в статье об И. Н. Березине).

⁴ ИАН, 1918, стр. 1236, ср. 1761.

⁵ ЗВО, XI, 1897 — 1898, стр. 313 (статья о Г. Бюлере).

⁶ Его собственное выражение по поводу своей статьи об И. П. Минаеве в письме бар. В. Р. Розену из Грешенберга 2 июля 1896 г. (хранится среди других его писем В. Розену в Архиве Института востоковедения, см. ДАН-В, 1929, стр. 234, № 117).

⁷ ИАН, 1918, стр. 67 (в статье об О. Барте).

⁸ Ibid., стр. 2063 (в статье о В. А. Жуковском).

⁹ Ibid., стр. 62 (в статье об О. Барте).

¹⁰ ИАН, 1922, стр. 57 (в отзыве о П. Пелио).

бы понять».¹ Он сознавал, что нельзя требовать от ученого, занимающегося изучением персидского поэта, предварительного изучения общественной и умственной жизни эпохи при полной неразработанности этих областей; в противном случае до изучения поэта он так и не успеет дойти.²

Общие выводы С. Ф. по истории русского востоковедения крайне мрачны. Достаточно вспомнить те слова, которыми он начинает свою статью о В. П. Васильеве: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, редкие таланты, блестящие умы, даже кропотливый и упорный труд, все это встречаешь с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды «первых» томов, «первых» выпусков, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полузаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний. Всего два в сущности с небольшим века этой молодой русской науке, а как длинен ее мартиролог...».³ Везде мы видим неумение пользоваться людьми знания,⁴ часто у нас бессмысленно гибнет работа долгих лет. Изучение Востока является делом только небольшого кружка людей.⁵ сознание «важности и необходимости науки, как основы всякой культуры, ясно в России, увы, весьма еще не многим».⁶ Общая «бессистемность, отсутствие планомерности» сказывается, конечно, и на отдельных случаях: «русские ученые действительно страдают от чересчур широкой постановки своих работ».⁷ В них «поражает та легкость, с какою пытаются делать широкие обобщения, не имея в своем распоряжении достаточного фактического материала, который однако не трудно было бы найти».⁸ Если в 1894 г., изучая французское востоковедение, С. Ф. убеждался, что сравнение всегда не в пользу России,⁹ то в 1923 г. он констатировал другое печальное обстоятельство: «Наших ориенталистов больше знают и ценят на Западе, чем у нас, во всяком случае лучше читают, даже когда они пишут, как большинство русских востоковедов, почти исключительно по-русски».¹⁰ При таких мрачных вы-

¹ ИАН, 1918, стр. 2054 (в статье о В. А. Жуковском).

² Ibid., стр. 2053.

³ ИАН, 1918, стр. 531.

⁴ Ibid., стр. 534 — 535.

⁵ Речь, 1910, 27 апреля (о В. П. Васильеве).

⁶ ИАН, 1918, стр. 2043 (в статье о В. А. Жуковском).

⁷ Ibid., стр. 2060.

⁸ ИАН, 1918, стр. 539 (в статье о В. П. Васильеве).

⁹ ЖМНПр., ССХСШ, 1894, № 6, отд. 2, стр. 255

¹⁰ Восток, II, 1923, стр. 150.

водах нетрудно было впасть в пессимизм, но он ни в какой мере не находил себе отражения в деятельности С. Ф. Он констатировал, что время летит и наука движется своим путем.¹ Общий прогресс несомненен и частичные выводы печальны только относительно отдельных творцов этого прогресса.

Для него было несомненно, что «каждая страна и каждое время имеют, в зависимости от общих условий жизни, свои уклоны научной работы. Это сказывается, конечно, и на востоковедении».² «Вместе с революцией должен был естественно появиться и новый востоковед».³ Эти слова С. Ф. можно продолжить и сказать, что появился и новый историк востоковедения в его же лице. Не переставая интересоваться этими сюжетами, С. Ф. в значительной мере меняет и подход, и даже форму своих работ. Относительно старого востоковедения он иногда высказывает теперь несколько иную оценку, чем раньше, для современного настаивает на новых путях. Он устанавливает, что на Западе идет главным образом изучение прошлого Востока, у нас — изучение современного Востока в целом.⁴ На первый план должно быть выдвинуто изучение политики и экономики, на которые раньше не обращалось внимания.⁵ За этот период меняется и форма его работ по истории востоковедения. Конечно, среди них попрежнему попадают отзывы об ученых и их характеристики; особый налет придает им то обстоятельство, что в эти годы С. Ф. приходилось провожать поминальным словом не только своих младших товарищей (как В. В. Бартольд), но и ученых следующего за ним поколения, которое часто могли считаться его учениками (Б. Я. Владимирцов). Однако теперь характерны уже не эти статьи, а обобщения и обзоры состояния востоковедения за известный период. Особенно показательны те, которые возникли в связи с десятилетием Октябрьской революции и вызвали статьи в сборнике, посвященном работе Академии Наук,⁶ затем вскоре после этого в большой книге «Общественные науки СССР»⁷ и во французском органе востоковедения *Journal Asiatique*.⁸ Здесь уже нет речи о работах индивидуальных ученых. После общей характеристики старого и нового востоковедения С. Ф. старается охватить всю печатную продукцию на всем протяжении Союза и на ней показать

¹ ИАН, 1918, стр. 538 (в статье о В. П. Васильеве).

² Академия Наук СССР за десять лет, Л., 1927, стр. 143.

³ Востоковедение (Общественные науки СССР, 1917 — 1927, М., 1928, стр. 310).

⁴ Восток и запад в советских условиях, М.—Л., 1931, стр. 14 — 15.

⁵ Востоковедение, стр. 310.

⁶ Академия Наук СССР за десять лет 1917 — 1927, Л., 1927, стр. 140—154.

⁷ М., 1928, стр. 309—340.

⁸ *Les études orientales dans l'Union des Républiques Soviétiques*, JA, juillet—septembre 1929, pp. 117 — 139.

новые установки. Это уже не столько история, сколько хроника, не столько прошлое, сколько современность. Эту работу следует освещать не столько темой «С. Ф. Ольденбург и история востоковедения», сколько «С. Ф. Ольденбург и советское востоковедение».

Обстоятельства сложились так, что история русского востоковедения обыкновенно являлась монополией историков Востока. В XIX в. в этом направлении работали В. В. Григорьев и Н. И. Веселовский: первый с большой долей литературного дарования — нельзя забывать, что он был учеником Сенковского и это отразилось в таких имеющих отношение к востоковедению статьях, как известные воспоминания о Грановском, второй — с преимущественным вниманием к библиографическим и фактическим деталям. Серьезным историком востоковедения в широком смысле явился В. В. Бартольд: он опубликовал и большое количество материалов и оставил два больших обзора, захватывающих все периоды. С. Ф. в своем сообщении в Академии Наук 13 декабря 1930 г. отнесся с некоторой строгостью к его работам; это объяснялось не только тем, что для С. Ф. наступил последний период его деятельности, когда он суровее оценивал старое востоковедение. Объяснялось это и совершенно различной манерой трактовки ими одних и тех же вопросов. С. Ф. не боялся личного и индивидуального подхода в своих статьях по истории востоковедения и с особенной любовью останавливался на анализе личного научного творчества, В. В. Бартольд старался оставаться строго объективным историком, затушевывая всякий личный элемент и иногда переходил в крайность, когда *summius jus* стоит на опасной границе с несправедливостью. Очень поучительно читать те статьи об одних и тех же лицах, которые иногда приходилось писать одновременно и Бартольду и С. Ф., как, напр., о В. П. Васильеве или В. А. Жуковском, или те статьи, которые они писали совместно, как, напр., об Э. Шаванне. Индивидуальность обоих авторов и различный подход к материалу сказывался здесь в полной мере. Несомненно, что именно работы В. В. Бартольда заложили серьезную базу для истории востоковедения, по этюды С. Ф. составят богатую галерею изящных портретов и мягкими лучами осветят лабораторию научной мысли.

Л., 24—26 марта 1934 г.